

1902 г.

20 МАЯ.

№ 10.

ИЗВѢСТІЯ ПО С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ ПРИ

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ officialный: Высочайшій рескриптъ. — Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Отчетъ Комитета Александро-Маринскаго дома призрѣнія заштатныхъ священноцерковно служителей за 1901 г. — Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по Александро-Маринскому дому за 1901 г.

Отдѣлъ неофициальный: По поводу предстоящаго епархіальнаго съѣзда. — Тяжелыя гири. — Что говорятъ прихожане. — Вечеръ въ память В. А. Жуковскаго въ Исидоровскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ. — Библиографическая замѣтка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

1902.

ИЗВѢСТІЯ

по С.-Петербургской Епархіи,

издаваемая при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Высочайшій рескриптъ.

Данный на имя главнаго попечителя Императорскаго человеколюбиваго общества, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго Антонія.

Преосвященный митрополить с.-петербургскій Антоній.

Нынѣ исполнилось столѣтіе со дня учрежденія Императорскаго человеколюбиваго общества, имѣющаго въ лицѣ вашемъ достойнаго попечителя. Ваше руководство вноситъ оживляющую силу духа въ дѣятельность Общества и направляетъ ее къ достиженію указанныхъ ей высокихъ цѣлей истинной благотворительности въ духѣ евангельской любви и христіанскаго милосердія. При вашемъ ближайшемъ участіи утверждено новое положеніе о семь обществѣ съ существеннымъ преобразованиемъ центральныхъ его учреждений и составлены уставы для многихъ подвѣдомственныхъ обществу комитетовъ и заведеній.

Въ изъявленіе Моего Монаршаго къ вамъ благоволенія жалую васъ кавалеромъ *Императорскаго ордена святаго благоутрнаго великаго князя Александра Невскаго*, коего знаки, при семь препровождаемые, повелѣваю вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„и глубоко уважающій васъ

НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ.

16-го мая 1902 г.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣленъ на вторую священническую вакансію къ Георгіевской церкви села Осьмина, Гдовскаго уѣзда, псаломщикъ Островской церкви, Шлиссельбургскаго уѣзда, Павелъ **Исаковъ**, согласно прошенію, 15-го мая.

Перемѣщенъ на псаломщическую вакансію къ Путиловской Тихвинской церкви, Шлиссельбургскаго уѣзда, — діаконъ Заболотской Спасо-Преображенской церкви, Новоладожскаго уѣзда, Павелъ **Бѣлавинъ**, 7-го мая.

Допущенъ къ исполненію псаломщическихъ обязанностей при церкви Перваго Кадетскаго Корпуса, въ г. С.-Петербургѣ, бывшій воспитанникъ С.-Петербургскаго Александро-Невскаго духовнаго училища Владиміръ **Лебединскій**, согласно прошенію, 13 мая.

Утвержденъ въ должности псаломщика, допущенный къ исполненію псаломщическихъ обязанностей при церкви Богодѣльни Цесаревича Николая Александровича, въ г. С.-Петербургѣ, Александръ **Каллистовъ**, 13 мая.

Назначены къ возведенію въ санъ діакона: съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи, допущенный къ исполненію псаломщическихъ обязанностей при церкви Городской больницы для душевно-больныхъ на Ново-Знаменской дачѣ Ѳеодоръ **Ѳеодоровъ**, 7 мая; съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи, псаломщикъ Подбережской церкви, Новоладожскаго уѣзда, Аркадій **Боголюбовъ**, 8 мая.

Уволены въ отпускъ: псаломщикъ Сестрорѣцкой церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, Михаилъ **Боротинскій**, съ 18 мая по 28 іюня, настоятель С.-Петербургской Смоленско-кладбищенской церкви,

протоіерей Алексій **Сперанскій**, съ 16 мая по 1 іюня, протоіерей церкви Николаевского Кадетскаго Курпуса, въ г. С.-Петербургѣ, Василій **Жмакинъ** и діаконъ той же церкви Евѳимій **Обидейно**, оба съ 31 мая по 25 августа, протоіерей Гатчинскаго Сиротскаго Института Василій **Чебышевъ**, съ 25 мая по 27 августа, настоятель Екатерининской Екатерингофской церкви, въ г. С.-Петербургѣ, протоіерей Антоній **Хойнацкій**, съ 23 мая по 4 іюля; священникъ С.-Петербургской Смоленской пригородной, что за Невской заставой, церкви Іоаннъ **Лабутиный**, съ 27 мая по 27 іюля, протоіерей Скорбященской, что на Стеклянномъ, церкви въ г. С.-Петербургѣ, Самуиль **Наркевичъ**, съ 13 по 25 мая, іеромонахъ Старо-Ладожскаго Николаевского монастыря Арнадій, съ 13 мая по 13 іюня, протоіерей церкви при Общинѣ сестеръ милосердія во имя Христа Спасителя, въ г. С.-Петербургѣ, Александръ **Альбовъ**, съ 12 мая по 1 сентября, священникъ церкви С.-Петербургской Обуховской мужской больницы Николай **Николаевскій**, съ 9 іюня по 10 августа, священникъ Кронштадтскаго Андреевскаго собора Николай **Петровскій**, съ 5 іюня по 5 августа, священникъ Предтеченской церкви, Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, въ г. С.-Петербургѣ, Іоаннъ **Альбовъ**, съ 15 мая по 15 іюля; законоучитель Свято-Владимірской церковно-учительской школы, въ С.-Петербургѣ, священникъ Константинъ **Ивановскій**, срокомъ отъ 18 мая по 18 августа, и священникъ Александро-Невской, что при Кронштадтскомъ домѣ трудолюбія, церкви Андрей **Шильдскій**, срокомъ отъ 10 мая по 28 августа; монахиня С.-Петербургскаго Воскресенскаго первокласснаго общежительнаго дѣвичьяго монастыря **Сергія**, съ 7 мая по 7 іюля.

Утверждены въ должности старость: дѣйствительный статскій совѣтникъ Орестъ Порфирьевичъ **Кмитъ** къ С.-Петербургскому Князь-Владимірскому собору на 1 трехлѣтіе; къ церквамъ Новоладожскаго уѣзда: временный Новоладожскій купецъ Иванъ **Ивановъ Якушевъ** къ Гостинопольской Никольской на 15 трехлѣтіе, крестьянинъ Сергій **Михайловъ** къ Островской Ильинской на 2 трехлѣтіе, и крестьянинъ Александръ Степановъ **Бажинъ** къ Зарѣчской Введенской на 4 трехлѣтіе, 3 мая; почетный гражданинъ Тимоѳей Михайловъ **Вахромовъ** къ село-Ильинской церкви, Новоладожскаго уѣзда, на 1 трехлѣтіе, сельскій обыватель Все-

володъ Михайловъ **Артемовъ** къ Михайло-Архангельской церкви, что при Александровскомъ механическомъ заводѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, на 1 трехлѣтіе, и крестьянинъ Павелъ Григорьевъ **Буйловъ** къ Озерской Покровской церкви, Гдовскаго уѣзда, на 5 трехлѣтіе, 15 мая.

Утвержденъ на трехлѣтіе предсѣдателемъ приходскаго попечительства при Пашской церкви, Новоладожскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Иванъ **Борошневъ**, 13 мая.

За смертію исключаются изъ списковъ: настоятель С.-Петербургскаго Андреевскаго собора, протоіерей Іоаннъ **Покровскій**, съ 12 мая; бывший настоятель Воскресенской Малоколоменской церкви, заштатный протоіерей Андрей **Соколовъ**, съ 4 мая.

О Т Ч Е Т Ъ

Комитета Александро-Маріинскаго дома призрѣнія заштатныхъ священно-церковно служителей и ихъ сиротствующихъ семействъ С.-Петербургской епархіи за 1901 годъ.

I. Составъ комитета.

Въ первой половинѣ отчетнаго года составъ Комитета былъ тотъ же, что и въ 1899 и 1900 годахъ; но со второй половины года, послѣ состоявшагося съѣзда депутатовъ духовенства, въ составѣ комитета произошли слѣдующія перемѣны: за перемѣщеніемъ предсѣдателя комитета, преосвященнаго Веніамина на Калужскую кафедру резолюціей Его Высокопреосвященства 7 августа 1901 г. предсѣдателемъ комитета назначенъ протоіерей С.-Петербургской Волково-Кладбищенской церкви, магистръ богословія Николай Вишняковъ; членами комитета состояли: а) отъ комитета свѣчнаго завода: протоіерей Крестовоздвиженской Ямской церкви Владиміръ Гуляевъ и протоіерей Пантелеймоновской церкви Василій Перстерскій; б) отъ Ямской Крестовоздвиженской церкви священникъ Александръ Ивановъ; и по избранію съѣзда духовенства 1898 г., протоіерей Казанскаго собора Николай Сосняковъ, протоіерей Симеоновской церкви Іоаннъ Камневъ и бывший священникъ Сампсоновской церкви, нынѣ Морского

Богоявленскаго собора Александръ Преображенскій. Съѣздомъ духовенства 1901 года протоіереи: Николай Сосняковъ и Іоаннъ Камневъ вновь избраны членами комитета и, вмѣсто выбывшаго въ военное духовенство священника Александра Преображенскаго, тѣмъ же съѣздомъ 1901 г. избранъ протоіерей Владимірской церкви Дмитрій Приселковъ и кандидатами къ нимъ: священникъ Волково-Кладбищенской церкви Іоаннъ Крыловъ и священникъ Митрофаніевскаго кладбища Андрей Бурговъ (засѣд. 8 іюня 1901 г., № 17).

Изъ нихъ протоіерей Владиміръ Гуляевъ состоялъ, по избранію комитета, попечителемъ Александро-Маріинскаго дома, священникъ Александръ Ивановъ — казначеемъ и священникъ Александръ Преображенскій — секретаремъ комитета; за выбытіемъ сего послѣдняго секретаремъ комитета, съ 12 сентября 1901 г., избранъ и Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ протоіерей Іоаннъ Камневъ.

II. Дѣятельность комитета.

Въ отчетномъ году комитетъ продолжалъ завѣдывать Александро-Маріинскимъ домомъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ, руководствуясь Положеніемъ прежнимъ, одобреннымъ съѣздомъ духовенства 1899 г., а со второй половины года новымъ измѣненнымъ Положеніемъ 1901 года. Для окончательнаго редактированія Положенія о домѣ съѣздомъ 1899 г. по журналу за № 9 избрана была комиссія, въ составъ которой вошли: священникъ Крестовоздвиженской Ямской церкви Андрей Коновъ, священникъ Рыбацкой церкви Михаилъ Славнитскій и церкви Ларинской гимназіи священникъ Александръ Алексѣевъ. Означенная комиссія внесла на разсмотрѣніе съѣзда выработанный ею проектъ измѣненнаго Положенія о домѣ. Проектъ этотъ, разсмотрѣнный и одобренный съѣздомъ духовенства въ засѣданіи 8-го іюня 1901 г., по журн. № 30, резолюціей Его Высокопреосвященства 9 іюня утвержденъ.

Болѣе выдающіяся измѣненія, вошедшія въ новое положеніе сравнительно съ прежнимъ, слѣдующія: а) по § 3 Александро-Маріинскій домъ управляется комитетомъ изъ 9 членовъ, а не 7-ми, какъ было въ прежнемъ положеніи; по прежнему Положенію съѣздомъ духовенства избирались на трехъ-лѣтній срокъ

только — три члена, а по новому — пять; б) примѣчаніе 1-е къ § 8 измѣнено въ новомъ Положеніи въ томъ смыслѣ, что дѣти, достигшія 18-ти лѣтняго возраста, могутъ, съ разрѣшенія комитета, пользоваться пріютомъ у родителей и послѣ 18-ти лѣтняго возраста, пока родители живы, тогда какъ по старому Положенію дѣти могли находиться при родителяхъ въ домѣ призрѣнія только до 18 лѣтняго возраста; в) къ § 13-му въ новомъ Положеніи прибавлено слѣдующее примѣчаніе: заштатное и сиротствующее духовенство Крестовоздвиженской, что въ Ямской, церкви принимается внѣ очереди, въ виду уступки сею церковію земли подъ Александро-Маріинскій домъ; г) касательно самого обезпеченія призрѣваемыхъ въ новомъ Положеніи сдѣлано существенное измѣненіе: по старому Положенію на каждое призрѣваемое семейство или отдѣльную квартиру полагалась 15 р. въ мѣсяцъ или 180 руб. въ годъ; по новому Положенію § 16-й гласитъ такъ: „въ виду полной бѣдности, при крайней ограниченности пенсій и пособій, большинства сельскаго духовенства, а частью и столичнаго, каждому призрѣваемому въ Александро-Маріинскомъ домѣ, мужу и женѣ, производится выдача посуточного довольствія въ слѣдующемъ размѣрѣ: протоіерею или священнику по 45 коп.; діакону по 35 коп., псаломщику по 25 к., съ распространеніемъ этого порядка на тѣхъ вдовъ и сиротъ священно-церковно служителей, кои самостоятельно занимаютъ отдѣльныя квартиры въ домѣ. Призрѣваемымъ, получающимъ пенсію и пособія отъ разныхъ учрежденій, согласно § 15 Положенія, выдача посуточного пособия производится съ пропорціональнымъ удержаніемъ изъ него этихъ полученныхъ; если же получаемая призрѣваемымъ сумма пособія, пенсії и т. п. равняется или превышаетъ, по размѣру, причитающееся ему посуточное довольствіе, то послѣднее не выдается. Призрѣваемымъ, имѣющимъ на своемъ попеченіи дѣтей, не достигшихъ 18-лѣтняго возраста, выдается дополнительное пособіе въ размѣрѣ 3 р. на каждого ребенка ежемѣсячно, но не болѣе какъ на 5 человекъ дѣтей въ составѣ одной семьи“.

Примѣчаніе I. Указанный въ § 16 порядокъ выдачи пособій призрѣваемымъ въ Александро-Маріинскомъ домѣ распространяется лишь на вновь принимаемыхъ въ Александро-Маріинскій домъ лицъ; всѣмъ же состоявшимъ, ко времени утвержденія на-

стоящаго положенія, на призрѣніи въ Александро-Маріинскомъ домѣ священно-церковно служителямъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ, пособие, взаѣмъ посуточного, выдается въ установленномъ на сѣздѣ 1899 г. размѣрѣ, т. е. по 15 р. въ мѣсяцъ, на квартиру, съ соответствующими удержаніями.

Примѣчаніе II. Пособіе, означенное въ § 16, выдается призрѣваемымъ помѣсячно, за мѣсяцъ впередъ, и д) касательно бѣднѣйшихъ кандидатовъ на поступленіе въ домъ призрѣнія въ новомъ Положеніи включенъ новый 18-й §, который гласитъ такъ: „Бѣднѣйшимъ и наиболѣе нуждающимся въ призрѣніи кандидатамъ на поступленіе въ Александро-Маріинскій домъ производится, по постановленіямъ комитета, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, помѣсячное пособіе, въ размѣрѣ не свыше 5 р. на каждое лицо, мужа и жену, отдѣльно и выплачивается при посредствѣ мѣстныхъ благочинныхъ, въ полугодичные сроки за истекшее время“.

Къ 1902 году призрѣваемыхъ въ домѣ состоитъ 63 человека, на 3 больше прежняго года, въ томъ числѣ: 1 протоіерей, 7 священниковъ, 5 діаконовъ, 6 псаломщиковъ, 5 вдовъ протоіереевъ, 10 вдовъ священниковъ, 8 вдовъ діаконовъ, 11 вдовъ псаломщиковъ, 1 жена заштатнаго священника (отрѣшеннаго отъ мѣста), 1 діакона и 2 псаломщика, 5 дочерей умершаго священника и 1 дочь умершаго псаломщика. Кромѣ того, одной кандидаткѣ разрѣшено жить въ домѣ призрѣнія въ кв. ея родственника и діакона Краснопѣвкова помѣщенъ въ градскую богадѣльню, съ платою отъ комитета.

Списокъ призрѣваемыхъ здѣсь прилагается.

Кандидатовъ на принятіе въ домъ призрѣнія въ настоящее время 12 человекъ, на 22 больше прежняго года.

Списокъ кандидатовъ при семъ прилагается.

Для разсматриванія прошеній лицъ, желающихъ поступить въ домъ призрѣнія, самихъ призрѣваемыхъ по разнымъ нуждамъ и текущихъ дѣлъ по управленію и хозяйству по дому призрѣнія комитетъ имѣлъ въ отчетномъ году 12 засѣданій.

Всѣ призрѣваемые пользовались готовыми квартирами, при отопленіи отъ дома, и услугами дворниковъ и служителей. Всей прислуги при домѣ для этой цѣли за отчетное время состояло 8 человекъ: 4 дворника, 1 швейцарь, 2 коридорныхъ служи-

теля, женщина для наблюденія за прачечною. Слабые и больные призрѣваемые пользовались нарочито устроенными ваннами. Надзоръ за зданіемъ и внѣшнимъ порядкомъ жизни въ домѣ возложенъ на особаго смотрителя, подъ наблюденіемъ попечителя дома призрѣнія, протоіерея Владиміра Гуляева.

Въ домѣ имѣется своя, устроенная потомственнымъ почетн. гражд. Е. И. Кожевниковымъ, церковь, въ которой по соизволенію Его Высокопреосвященства учрежденъ особый причтъ изъ священника и псаломщика, съ содержаніемъ: священнику 1000 р. въ годъ жалованья и 600 руб. квартирныхъ и псаломщику 300 руб. жалованья и 200 руб. квартирныхъ. Въ настоящее время священникомъ при означенной церкви состоитъ о. Іоаннъ Дмитровскій, псаломщикомъ Іоаннъ Цвѣтковъ и старостою пот. поч. гражд. Г. П. Петровъ; веденіе церковнаго хозяйства находится внѣ вѣдѣнія комитета.

Что касается участка земли близъ ст. Бѣлоостровъ, пожертвованнаго Александро-Маріинскому дому священникомъ М. Преображенскимъ, то сѣздъ духовенства, по журн. 6 іюня № 11, постановилъ: жертвуемую землю (11 десятинъ) принять съ благодарностію, но безъ всякаго ограниченія въ отношеніи правъ на владѣніе и продажу, до 1/2 десятины земли продать, и деньги, согласно просьбѣ жертвователя, выдавать ему, жертвователю, священнику М. Преображенскому, и деревянный домъ, находящійся на сей же землѣ, купить за 6000 руб. Дѣло объ утвержденіи пожертвуемой земли теперь находится въ канцеляріи статсъ-секретаря Финляндскаго для доклада Его Величеству Государю Императору.

Журналомъ, отъ 9 іюня № 31, сѣздъ ассигноваль ежегодное пособіе вначу для призрѣвающихъ въ домѣ 200 рублей.

Подписали: { Предс. комитета прот. *Николай Вишняковъ.*
 Протоіерей *Владиміръ Гуляевъ.*
 Протоіерей *Дмитрій Приселковъ.*
 Протоіерей *Василій Перетерскій.*
 Протоіерей *Николай Сосняковъ.*
 Священникъ *Александръ Ивановъ.*

ОТЧЕТЪ

о приходѣ и расходѣ суммъ по Александрo-Маріинскому
дому, за 1901 годъ.

Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по Александрo-Маріинскому дому за 1901-й годъ Временно-Ревизионнымъ Комитетомъ, на точномъ основаніи существующихъ узаконеній, провѣренъ, причемъ никакихъ неправильностей, требующихъ поправленія, не найдено. Отчетъ по существу вѣренъ и съ приходо-расходными книгами во всемъ согласенъ 4 апрѣля 1902 г.

Подписали: Члены Ревизионнаго Комитета: Протоіерей *Флоръ Малиновскій* и Священникъ *Николай Бѣльскій*.

А. Приходъ.

I. На 1 Января 1901 г. ежегодно налицо:

а) номинальными деньгами. 889 р. 44 к.

б) % бумагами. 98.500 „ — „

Итого 99.389 р. 44 к.

II. Въ теченіе 1901 г. получено на приходъ:

а) субсидіи отъ С.-Петербур-
бургскаго Епархіального свѣч-
ного завода 26.603 р. 50 к.

(По приходной книгѣ статьи 1, 4, 10, 11, 17, 23 и 24).

б) % на капиталы Алексан-
дро Маріинскаго дома 3.652 „ 50 „

(По приходной книгѣ статьи 2, 3, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 16, 18, 21 и 22).

в) Суммъ на возстановленіе	
По приходной книгѣ ст. 6	
прихода	10 р. — к.
г) Переходящихъ суммъ	3.259 „ 30 „

132.914 р. 74 к.

(По приходной книгѣ ст. 14, 15, 19 и 20).

Б. Р а с х о д ь.

I. Содержаніе призрѣваемыхъ:

1) Пособія призрѣваемымъ,	
содержаніе ихъ	698.233 р. — к.
(Статьи расходн. книги 1, 2, 8, 16, 19, 23, 24, 23, 31, 33, 34, 37, 38, 43, 44, 47, 51, 53, 56, 60, 64, 68 и 79).	
2) Пособія призрѣваемымъ,	
содержаніе ихъ	56.72 р. — к.
	70.39 р. 05 к.
См. расх. кн. 3, 21, 69 и 73).	

II. Содержаніе служащихъ:

3) Жалованіе и квартирныя	
имъ	3.900 р. — к.
(См. расх. кн. 7, 14, 22, 26, 32, 36, 42, 46, 52, 59, 65, 82).	
4) награда имъ	402 р. — к. 4.302 р. — к.

III. Содержаніе дома:

5) Страхованіе зданія (ст.	
расх. кн. 67)	145 р. — к.
6) Отопленіе (ст. расх. кн.	
4, 9, 74).	5779 „ — „
7) Водоснабженіе (ст. расх.	
5, 17, 25, 45, 75)	781 „ 86 „
8) Освѣщеніе коридоровъ и	
лѣстницъ (ст. расх. кн. 11, 30	
и 61).	170 „ — „

9) Очистка дымовыхъ трубъ, уборка снѣга, мусора и нечистотъ.	266 р. 68 к.
(Ст. расх. кн. 12, 19, 28, 39, 40, 50, 62, 77 и 80).	
10) текущій ремонтъ	986 р. 53 к.
(См. расх. кн. 3, 10, 18, 29, 34, 38, 44, 49, 51, 54, 55, 56, 58, 76, 78, 79).	
11) Инвентарь	305 р. 64 к.
(См. расх. кн. 3, 6, 9, 13, 24, 31, 34, 38, 44, 51, 56, 64, 72 и 79).	
12) Мелкіе расходы	31 р. 98 к.
	<hr/>
	8.466 р. 69 к.
(Ст. расх. к. 3, 9, 19, 14, 31, 33, 48, 44, 51, 56, 64 и 79).	

IV. Расходы по недвижимому имуществу, пожертвованному священникомъ М. Преображенскимъ.

13) Расходы по укрѣпленію имущества	3050 р. — к.
(Ст. расх. кн. 15, 41).	
14) Жалованье дворнику при дачѣ	265 „ — „
(Ст. расх. кн. 7, 14, 22, 26, 32, 36, 42, 46, 52, 59, 65, 82).	
15) Награда ему же	25 р. — к.
(Ст. расх. кн. 19, 20, 81).	
16) Расходы по содержанію дачи, страхованіе, отопленіе, мелкій ремонтъ, инвентарь, на- логи, мелкіе расходы, разъѣзд- ныхъ и пр.	149 „ 49 „
	<hr/>
	3489 р. 49 к.
(Ст. расх. кн. 3, 9, 19, 24, 31, 34, 35, 38, 44, 50, 56, 63, 64, 66 и 79).	

V. Переходящія суммы 3259 р. 30 к.

26.556 р. 53 к.

(См. расх. кн. 48, 70 и 71).

В. Чистый капиталъ Александрo-Маріинскаго дома на 31 де-
кабря 1901 г.

Разность между итогами приходныхъ за 1901 г. (132.914 р. 75 к.) и расходныхъ за тотъ же годъ (26.566 р. 53 к.) суммъ составить чистый капиталъ Александрo-Маріинскаго дома на 31 дек. 1901 г. включительно, а именно сто шесть тысячъ триста пятьдесятъ восемь (106.358) руб. 21 к., въ томъ числѣ:

а) наличными 7858 р. 21 к.

б) процентными бумагами . 98500 „ — „

Итого 106.358 р. 21 к.

Расходъ за 1891 г. 26.566 „ 53 „

Балансъ 132.914 р. 74 к.

Подлинный подписали: Предсѣдатель Комитета, Протоіерей
Николай Вишняковъ.

Казначей Комитета, Священникъ *Александръ Ивановъ.*

По поводу предстоящаго епархіальнаго сѣзда.

Въ Сентябрѣ нынѣшняго года предстоитъ новый сѣздъ депутатовъ духовенства С.-Петербургской Епархіи. Близокъ день, когда Епархіальное начальство укажетъ и тѣ вопросы, которые предстоитъ рѣшить на этомъ сѣздѣ. Вопросы эти не новые: они предлагались на разсмотрѣніе сѣзда и прошлый годъ. И если ихъ опять выдвигаютъ, то благодаря только тому, что они не получили надлежащаго разрѣшенія. Особенно это сказалось относительно смѣты доходовъ и расходовъ по содержанію Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища, дома призрѣнія и пріюта вдовъ и сиротъ. Уже особая комиссія прошлагодняго сѣзда, — и та отнеслась къ этой смѣтѣ недовѣрчиво. Въ своемъ докладѣ она о многихъ статьяхъ дохода, который намѣчался смѣтой, отозвалась какъ о „гадательныхъ“ и „сомнительныхъ“. Но сѣздъ принялъ эту смѣту. Когда же настало время осуществлять ее, то отзывъ комиссіи о сомнительности и гадательности ея подтвердился, какъ нельзя лучше. Для покрытія расходовъ по смѣтѣ пришлось прибѣгнуть къ экстраординарнымъ мѣрамъ. Конечно, это горькій урокъ, но урокъ, который долженъ научить насъ, духовенство, относиться болѣе внимательно ко всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые предлагаются на разсмотрѣніе и разрѣшеніе сѣзда.

Теперь не время, да и нѣтъ надобности разсуждать о томъ, гдѣ причины этого. Епархіальные сѣзды — со-

зываются не для „словесныхъ турнировъ“, а для болѣе разумнаго и справедливаго разрѣшенія очень и очень серьезныхъ вопросовъ. Вѣдь оо. депутаты являются отвѣтчиками за постановленія сѣзда; ихъ облакаетъ довѣріемъ вся епархія, — и никому, какъ имъ, твердо въ памяти должно держать извѣстное изреченіе, которымъ заканчивались старинныя прописи: *семь разъ примѣрь, — одинъ отрѣжь*. Но и всему духовенству не лишне послѣ „лѣтнихъ каникуловъ“ подумать и пообсудить о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ получаютъ средства на удовлетвореніе нуждъ духовно-учебныхъ заведеній и епархіи. Мы твердо увѣрены, что есть не мало такихъ уважаемыхъ пастырей, которые помогутъ своими мудрыми совѣтами въ разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Главный вопросъ—это вопросъ о новой раскладкѣ. Что она нужна,— это требуется обстоятельствами жизни. Но можетъ быть отъ вниманія прошлагодняго сѣзда ускользнулъ одинъ источникъ, изъ котораго можно бы безъ особеннаго обремененія приходскихъ церквей почерпнуть извѣстную сумму. Почему бы и нашей Епархіи не прибѣгнуть къ нему по примѣру другихъ Епархій. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ пониженіе платы за огарки на два рубля съ пуда. Если бы это осуществилось, то въ распоряженіи комитета по управленію Епархіальнымъ свѣчнымъ складомъ — ежегодно оставалось бы экономіи отъ 24,000 рублей и выше.

Не мѣшало бы также незадолго до собранія на сѣздѣ оо. депутатовъ отпечатать и разослать по приходамъ общую смѣту того, какая сумма, и изъ какихъ источниковъ поступить на приходъ и какая сумма расхода, — съ краткимъ обозначеніемъ частично, на какой предметъ предстоитъ расходъ и въ каковой суммѣ.

Равнымъ образомъ, хорошо было бы, еслибы люди

свѣдушіе высказали свои соображенія на страницахъ епархіальнаго органа. Свѣтъ лучше тьмы, — и всякое дѣло рѣшается правильнѣе, если люди рѣшаютъ его не съ завязанными глазами, а съ фактами въ рукахъ...

Д—тъ.

Прим. редак. Редакція съ удовольствіемъ дастъ мѣсто на страницахъ „Извѣстій“ всякому правдивому и честному слову о нуждахъ сѣзда. Р.

Тяжелыя гири.

Умеръ С. А. Рачинскій. Умеръ тотъ христіанинъ, который въ жизни своей не безъ труда и усилій достигъ того, что его дѣло и слово никогда не расходились съ Христовымъ закономъ. Умеръ тотъ истинно русскій человѣкъ, который любилъ родину мать, и всю свою жизнь отдалъ на служеніе ей. Умеръ тотъ „добрый работникъ“ Православной Церкви, который былъ преданъ ей до безконечности.

Огнемъ божественной любви горѣлъ „сельскій учитель“ Татевской школы. Искорки этого огня дошли до насъ въ тѣхъ статьяхъ С. А. Рачинскаго, что составили изъ себя чудную книжку „Сельская школа“. Тамъ, въ этой книгѣ много такого, чтобы слѣдовало крѣпко запомнить и изучить всѣмъ, кто хочетъ работать родинѣ, какъ просвѣтитель. Къ этой работѣ, работѣ живой С. А. Рачинскій особенно призывалъ православное духовенство. Въ немъ онъ видѣлъ могучія силы, способныя къ работѣ и созиданію „Царствія Божія“ на землѣ. И объ одномъ всегда скорбѣлъ покойный, что духовенство не хочетъ освободиться отъ тѣхъ „задерживающихъ“

обстоятельствъ“, которыя мѣшаютъ пахарю Божьей нивы работать свободно.

„Не могу не указать“, пишетъ онъ, „на нѣкоторыя изъ тяжелыхъ гирь, которыя влекутъ долу наше духовенство, которыя налагаютъ на нашихъ священниковъ еще на школьной скамьѣ, и которыя они могли-бы, на школьной-же скамьѣ, сбросить съ себя навсегда“.

„Во-первыхъ — пьянство. Количество священниковъ, отъ него погибающихъ, поистинѣ ужасно. Между тѣмъ, это ярмо люди возлагаютъ на себя еще въ школьномъ возрастѣ, и именно въ этомъ возрастѣ оно можетъ быть сброшено усиленіемъ воли безъ особеннаго труда. Чѣмъ позже, тѣмъ труднѣе, ибо пьянство прежде всего подкашиваетъ именно волю. Всѣхъ ужасовъ, происходящихъ отъ этого порока, перечислять не стану: они на глазахъ у учащагося духовнаго юношества. Но оно должно понять, что *это* пятно оно обязано снять съ своего сословія, въ моментъ, когда отъ трезвости каждаго отдѣльнаго священника зависитъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, возрожденіе къ сознательной вѣрѣ, къ жизни разумной—сотенъ и тысячъ людей темныхъ, жаждущихъ свѣта. Церковная школа съ пьянымъ священникомъ во главѣ есть ложь и позоръ.

„Во-вторыхъ — корыстолюбіе. Знаю, что во всякой семинаріи выдѣляется меньшинство юношей, свободныхъ отъ этого порока, и что большинство, не безъ насмѣшки, прозвало ихъ идеалистами. Но вѣдь идеалистами, въ этомъ смыслѣ, могутъ, въ настоящее время, безъ всякой опасности, сдѣлаться всѣ семинаристы. Можно-ли, положи руку на сердце, назвать бѣдностію имущественное положеніе средняго сельскаго священника? На памяти людей пожилыхъ, доходность сельскихъ приходовъ значительно возрасла отъ быстрого роста народонаселенія,

отъ повышенія цѣнности церковныхъ земель. Приходы, исключительно бѣдные, по своему малолюдству, по развитію въ нихъ сектантства, уже теперь получаютъ денежную помощь, которая съ каждымъ годомъ будетъ усиливаться и мало-по-малу распространяться и на причты, менѣе обездоленные. Всѣ будущіе священники доживутъ до положенія скромнаго, но совершенно безбѣднаго. Съ расширеніемъ дѣятельности духовенства, несомнѣнно возрастутъ и заботы о немъ правительства. О чемъ-же заботиться? А между тѣмъ эта забота играетъ слишкомъ видную, гибельную роль въ помышленіяхъ ищущихъ священства. Ведетъ она къ неосторожнымъ бракамъ, ведетъ и къ кривымъ отношеніямъ съ прихожанами, и къ двусмысленному отношенію къ школьному дѣлу, доходность коего разъ на всегда должна быть вычеркнута изъ расчетовъ духовенства. То, что отъ него требуется по этому дѣлу, не можетъ быть оплачено никакимъ жалованіемъ. Это—не требоисправленіе, а такой актъ любви и воли, который сдѣлалъ бы его почетнѣйшимъ сословіемъ въ Россіи, послѣ коего сомнѣваться въ безбѣдности его имущественнаго положенія было бы просто смѣшно.

Благодареніе Богу! Умножается число священниковъ, сбросившихъ съ себя всѣ эти позорныя путы, трудящихся безкорыстно и искренно, чистыхъ и сердцемъ и нравами. Многихъ вразумляютъ и совѣсть, и грозныя знаменія времени, и проснувшаяся въ темныхъ массахъ жажда свѣта, и неусыпныя заботы правительства о подъемѣ нашего блага духовенства. Привѣтъ имъ всѣмъ, и Божія помощи!“ (Сельская школа. 295—98).

Дай же Богъ, чтобы „тяжелыя гири“ слетѣли скорѣе съ плечъ православнаго духовенства и чтобы оно, свободное отъ нихъ, выполняло, какъ можно лучше, свое великое дѣло!

Что говорятъ прихожане.

III.

Словно по командѣ, изъ четырехъ дворовъ, выѣхали четыре крестьянина съ сохами и боровами на телѣгахъ. Когда ворота со скрипомъ за ними затворились, они сняли шапки, обернулись къ сіявшему крестомъ вдали сельскому храму и помолились. Потомъ поспѣшно задержали возжами и поѣхали гуськомъ изъ села по направлению къ полю.

Дорогою пахари разговорились.

— Слышь, какъ жаворонки-то разливаются?—заговорилъ передній мужичекъ, поднявъ бородатое лицо къверху. — Какая благодать въ небесахъ то!

— Извѣстно, дѣло весеннее; повсюду — благодать Божія: и на небѣ и на землѣ, — отвѣчалъ ему съдой старикъ со слѣдующей телѣги.— Пробужденіе отъ сна... воскресеніе мертвыхъ...

— Земля совсѣмъ талая, и даже провѣтрилась... Пахота будетъ важная!..

— Да, дѣйствительно пора... Какъ то Богъ пошлетъ дальше... Есть примѣта: коли жаворонки безъумолку голосятъ и къ небу поднимаются — быть суши: птица, стало-быть, дождя у Бога просить...

— Примѣта—примѣтой; а все—въ рукахъ Божіихъ...

— Это вѣрно. Птица дождя просить, и мы грѣшные попросимъ, — и, Господь — милостивъ... У Бога все готово... Была-бы наша молитва усердна и единомушна...

— Такъ-то такъ, да вотъ Георгія-то пропустили... Люди молились въ указанное время, а мы вотъ и пропустили... Вотъ те и единомушніе!.. Гдѣ его, этого еди-

нодушія, возьмешь въ нашемъ селѣ?... Одна рознь, несогласіе... Шутка-ли сказать, скандалъ какой произошелъ?... Выгнали скотъ, бабы съ сѣменами вышли, народъ собрался... ждуть... А вмѣсто духовенства да святости приходитъ Корнюха-сторожъ и объявляетъ, что батюшка де отложилъ освященіе и сейчасъ не желаетъ итти!... А старовѣры теперь, какъ мерины, гогочуть: вотъ, говорятъ, у васъ какое православіе!..

— Это они-то всю смуту учинили!..

— А ихній попъ наемдни-сь хвалился,—отозвался парень съ третьей телѣги,—что они еще и не то устроятъ... Мы, говоритъ, докажемъ, что у васъ антихристь... Вы, говоритъ, насъ посрамляете, и мы васъ посралимъ... Ужъ коли на срамъ пошло, такъ нечего стѣсняться!.. Такъ и говорятъ всенародно... Мы, говоритъ, для этого и денегъ не пожалѣемъ!..

— А что жъ? и вѣрно: намутятъ каналы, набезобразятъ,— и вотъ какъ!.. Смущенія могутъ напустить въ нашъ приходъ сколько угодно... У насъ хорошаго не примутъ, а соблазнительное да смутное всегда пришьется... А богатѣи они, старовѣры-то, дѣйствительно великіе; у одного ихняго попа, почитай, двадцать тысячъ наличныхъ; по процентамъ пущаетъ!.. Съ такимъ народомъ дѣйствительно, что позоромъ да срамомъ ничего не достигнешь!..

— Разъяришь больше!..

— Вѣрно. А человекъ въ ярости,— чего только не можетъ сдѣлать!..

— Зубъ за зубъ!..

— Именно: око за око, зубъ за зубъ... Такъ оно и выходитъ... А это не должно быть въ Церкви Христовой... Къ чему до этого допускать?... Дьяволъ давно радъ, чтобы люди ярились другъ противъ друга... Пастырь

это долженъ всѣми мѣрами отгонять... „Миръ даю вамъ!“ — вотъ что надо...

— Да отецъ Владиміръ тутъ не совсѣмъ виноватъ. Онъ и самъ такъ-то не разъ проповѣдь свою начиналъ въ церкви: миръ вамъ!.. А тутъ во всей винѣ, я думаю, миссіонеръ... Это онъ-то и разъярилъ старовѣровъ... Пріѣдетъ на собесѣдованіе... и пошелъ громить: вы невѣжды, да кощунники, беззаконники, богоотступники и проч... Ну тѣ, въ ярости, давай въ обратну... Вотъ она и идетъ смута... А спрашивается: къ чему это?..

— Дѣйствительно, раздѣленіе... Къ чему оно? Даденъ приходу пастырь, — вотъ это и есть миссіонеръ, — учитель: на немъ благодать священства; ему дана власть вязать и рѣшать; онъ отецъ своей паствы; съ него съ одного и спросъ за спасеніе душъ; онъ отвѣчаетъ и передъ высшимъ начальствомъ за свои дѣла и за свою службу; на него и народъ смотритъ, какъ на лицо священное, помазанника Божія... А этотъ, миссіонеръ, что?.. Онъ, хоть и образованъ, и начитанъ, и съ толстыми книгами ѣздитъ, — а все толку-то съ его миссіонерства не ахти сколько... На собесѣдованія идутъ тоже ради развлеченія. Потому, забавно: какъ это онъ начнетъ старовѣровъ колоть да обличать раздѣленіемъ Троицы на перстахъ... Тѣ—въ сердца... Ну и пошла писать... Зло и разгорается... А кабы одинъ пастырь, — дѣло другое: онъ своихъ прихожанъ знаетъ; онъ знаетъ, какъ и когда съ ними заговорить; найдетъ способъ и на старовѣровъ подѣйствовать... Онъ знаетъ, когда обличить, когда запретить, когда умолить и усовѣстить...

— Положимъ, что это такъ. Да вѣдь миссіонеръ — ловкачъ въ этомъ дѣлѣ: онъ на то особую науку прошелъ, ихнія — старовѣрскія книги нарочито изучалъ... наловчился...

— Эка, дѣло мудреное какое — книги старовѣрскія прочитать! Что-жь, развѣ этого священникъ не въ состоянїи сдѣлать?.. И опять же, отчего же въ такія мѣста, гдѣ есть старовѣры или сектанты, не поставитъ пастыря съ миссіонерской наукой?.. За то—едино стадо и единъ пастырь; никакого раздѣленія, никакого спору... А то вонъ, я слыхалъ, у нашего о. Владимира и вышелъ споръ съ миссіонеромъ... Тотъ говоритъ: не ваше дѣло меня учить и вмѣшиваться въ мои пастырскія дѣла; я хозяинъ въ своемъ приходѣ. А этотъ: я васъ знать не знаю; я высшимъ начальствомъ посланъ... Ну—и контры... а въ приходѣ соблазнъ... раскольники радуются... И идетъ смута, дьяволу на потѣху, прости, Господи...

— Эхъ, грѣхи тяжкіе!..

— Положимъ, что такъ. А все таки, почему же и миссіонеру не быть, ежели, напримѣръ, какъ слѣдуетъ, чинъ чиномъ: съ благочестіемъ, тихо — мирно да любовно, безъ задору и посрамленія... въ согласіи съ пастыремъ...

— А вонъ Чудовскій о. Андрей, такъ тотъ прямо поступилъ самостоятельно; и чудесно вышло; старовѣры въ православіе пошли...

— Какъ?

— Да такъ, просто: терпѣлъ—терпѣлъ, да и поѣхалъ къ Владыкѣ. Такъ и такъ, я, говоритъ, желаю самостоятельно народъ просвѣщать, безъ миссіонера... Съ расколомъ я знакомъ, старовѣры меня слушаются... А отецъ Андрей, дѣйствительно, подходящій для нихъ священникъ: водки не пьетъ, папиросками не занимается, строгъ, но кротокъ и ласковъ. А имъ это и подавай...

— Да оно и намъ православнымъ это не худо...

— Это вѣрно... Да. Такъ вотъ, говоритъ, благословите, Владыко, безъ миссіонера... Ну, Владыка-архіерей

29

отпустилъ, обѣщалъ дѣло это обсудить, навести справки. А потомъ, вотъ недавно, и пришло благословеніе. И дѣло живо пошло на ладъ... Раскольники умирились, успокоились... Да и чего задориться-то, коли ихъ никто не дразнить?.. И вотъ, третьяго дня четыре семьи присоединились къ православію... А въ церковь пришли на обрядъ смотрѣть и другіе старовѣры...

— Вишь вотъ: что значить любовь!.. Любовь—это все равно, какъ тепло, какъ лучи солнечные: пригрѣлъ о. Андрей,—и злоба старовѣрская растаяла, и невѣжество смягчилось?.. Какъ же это онъ дѣйствуетъ?

— А дѣйствуетъ очень просто. Я на святкахъ ѣздилъ къ тестю въ гости, въ Чудовское. Ну, мы, праздничнымъ дѣломъ, пошли въ чайную — трезвая чайная тамъ есть. Приходимъ туда, — народу биткомъ набито. Что такое? А это, говорятъ, отецъ Андрей со своимъ церковнымъ хоромъ и со свѣтовыми картинами чтенія думаетъ начинать... Теперь пока поютъ, а какъ свечерѣтъ, тогда картины... Смотрю, и старовѣры тутъ... Дыму табачнаго—ни Боже мой... Старовѣры веселые... Гдѣ и суровость ихъ лицъ дѣлась!.. Вотъ, какъ пѣніе прекратилось, народъ,—кто сидитъ, кто стоитъ,—словно замеръ... тишина!.. Только развѣ кто, тихонько, стаканомъ о блюде цокнетъ... Тутъ о. Андрей и началъ: „Вотъ я вамъ, друзья, хочу прочитать книжечку о томъ, какое добро сдѣлали въ одномъ селѣ старовѣры“... И давай читать... Жалость такая, что нельзя отъ слезъ удержаться... Смотрю, Митрій,—начетчикъ старовѣрской, ужъ на что грубъ да сумраченъ, а и тотъ,—закатилъ полу кафтана и давай утираться... дѣлаетъ видъ, будто вепотѣлъ, а самъ глаза закрываетъ, да отворачивается къ стѣнѣ... Нѣтъ, думаю, голубчикъ не скроешь, слезы по бородѣ пошли... И такъ размякли мои старовѣры, что когда священникъ кончилъ.

392

нѣкоторые прямо подошли къ нему и попросили благословенія!.. А одна старушенка, сухая, какъ щепка, тоже изъ раскольниковъ, такъ та просто упала ему въ ноги и давай плакать... ничего не говоритъ, а только плачетъ... насилу оттянули... Вотъ какое миссіонерство священникъ можетъ наладить!.. А послѣ картинъ, я тебѣ скажу, какая штука вышла, это ужъ, когда о. Андрей ушелъ домой. Съли мы чай пить. Сидимъ, пьемъ, разговариваемъ. Вотъ вдругъ подходитъ къ моему тестю одинъ старовѣръ.

— Знаешь, что? говоритъ онъ.

— А что?

— Вѣдь мы съ тобой сосѣди?

— Сосѣди.

— Чего намъ въ ссорѣ жить-то?

— Богъ съ тобой, я на тебя не сержусь...

— А коли не сердиться: „Простимъ вся воскресеніемъ и тако возопимъ: братіе!..“ и давай похристуемся... Христось воскресе!..

— Воистину — воскресе!

И похристосовались!.. Это вѣрно я тебѣ говорю... Даже всѣ удивились...

— Вотъ то-то и есть, Ѡаддей Гавриловичъ: я тебѣ говорю, что христіанскою любовью можно чудеса творить... Изъ камней люди дѣлаются... Слава Божія умножается... Церковь Божія растетъ, расширяется...

При этихъ словахъ, старикъ отеръ рукавомъ скатившуюся на сѣдую бороду слезу, снялъ шапку и, глядя въ бездонную синеву небесъ, широко перекрестился.

— Кабы и нашъ о. Владиміръ былъ такой, какъ о. Андрей, и у насъ было-бъ такое единодушіе, какъ въ Чудовскомъ...

— Погоди, не осуждай служителя Божія... дай вре-

24

мени ходъ... будетъ и нашъ такой... Знаешь, какъ въ природѣ Божіей: пришла весна, хлынула теплота,—и все измѣняется: гдѣ были горы льда и снѣга, тамъ цвѣты растутъ... даже камень покрывается зеленою... Такъ и межъ людьми... Теперь настаютъ порядки другіе... Народъ засидѣлся въ темнотѣ, наболѣлся вдоволь, натерпѣлся всякаго... требуетъ свѣта... А тутъ волки окрестъ бродятъ, Христовой Церкви угрожаютъ, зубы на мирное житіе оскаливаютъ... Вотъ и просыпаются пастыри, пробуждаются стражи Церкви Христовой... Показывается то тамъ, то тутъ яркій лучъ свѣта Христова... настаетъ весна... надвигается тепло Христовой вѣры... Зайдетъ оно и къ намъ!..

— Ахъ, кабы Богъ далъ поскорѣе! А то вотъ и ѣдемъ на пашню безъ благословенія пастырскаго и безъ молитвы церковной...

— Господи, прости наши тяжкіе грѣхи... А вотъ зло на зло такъ и идетъ!—вмѣшался задній крестьянинъ, подойдя къ стариковой телѣгѣ и идя рядомъ съ нею.— Къ примѣру, церковно-приходское попечительство... Какое благое дѣло—а у насъ оно не налаживается, да и только!.. Какъ-бы хорошо было!.. Вонъ въ Бобровкѣ,—просто прихожане устроились, при помощи этого самого попечительства,—„едино тѣло, единъ духъ...“ въ родѣ какъ въ древнія времена христіанскія. Все село, какъ одна семья; священникъ—отецъ; храмъ Божій—мѣсто ихъ духовнаго единенія и скрѣпленія; попечительство—ихъ главный объединительный органъ... И живутъ себѣ Бобровцы да поживаютъ во славу Божію, и во благо отечества своего завели себѣ особый церковный домъ, двѣ школы; винную торговлю уничтожили; каждый праздникъ—чтенія и проч. И теперь имъ не страшно: ни волковъ въ овечьей шкурѣ, ни темноты, ни всякаго безбожія!..

21.

— Погодите, погодите, братцы: все это и у насъ будетъ...

— Ахъ, кабы поскорѣй!..

— Ускори, Господи! умягчи сердца!..

— Вотъ и доѣхали, слава Богу!—сказаль первый мужикъ, остановивъ лошадь и спрыгнувъ съ телѣги.— Это, кажись, твоя полоска, дѣдушка.

— Она и есть... Слава Богу... Просохла, ужъ, какъ есть...

Мужички стали снимать съ телѣгъ и налаживать сохи и бороны. Тема разговора перемѣнилась.

П. П.—въ.

Вечеръ въ память В. А. Жуковскаго въ Исидоровскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ.

26 и 28 апрѣля сего года, Исидоровское Епархіальное Женское училище, чествовало память великаго русскаго поэта В. А. Жуковскаго, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его кончины. Въ пятницу, 26 апрѣля, по почившемъ поэтѣ была отслужена панихида въ училищной церкви, въ присутствіи лицъ начальствующихъ, преподавателей и воспитанницъ училища, а въ воскресенье въ 6 час. вечера состоялся литературно-вокальный вечеръ, на которомъ присутствовали всѣ служащія при училищѣ лица, преподаватели и родственники воспитанницъ. На литературно-вокальномъ вечерѣ послѣ пѣнія „Слава“ (сл. Жуковскаго), исполненнаго хоромъ V и VI классовъ, были прочитаны двѣ рѣчи, посвященныя памяти поэта. Одна рѣчь, составленная воспитанницею VI класса, была прочитана ея подругою, а другая произ-

несена самою составительницею, — воспитанницею VII класса. Послѣ первой рѣчи былъ исполненъ гимнъ Жуковскому хоромъ воспитанницъ V и VI, а послѣ второй рѣчи, — другой гимнъ, хоромъ воспитанницъ III и IV классовъ. Затѣмъ воспитанницами были произнесены стихотворенія изъ произведеній Жуковскаго, а равно и стихотворенія другихъ писателей, и было исполнено нѣсколько вокальных номеровъ въ одинъ и два голоса, и музыкальныхъ пьесъ въ 4 и 2 руки. Заботы начальницы училища, С. С. Тимофеевой, о возможно лучшемъ исполненіи на вечерѣ разнообразныхъ померовъ программы увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Училище было осчастливлено въ этотъ день посѣщеніемъ благодѣнѣйшаго своего покровителя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Антонія, митрополита СПБ. и Ладожскаго, соблаговолившаго прослушать первое отдѣленіе программы. Кромѣ того, училищный вечеръ почтили своимъ присутствіемъ: завѣдывающій училищемъ, Преосвященнѣйшій Иннокентій, епископъ Нарвскій, Преосвященнѣйшій Константинъ, епископъ Гдовскій, предсѣдатель совѣта училища, члены хозяйственнаго комитета и нѣкоторые приглашенныя лица изъ столичнаго духовенства.

Библиографическая замѣтка.

Православное духовенство. Очерки, повѣсти и рассказы изъ жизни приходскаго духовенства, *Н. И. Соловьева.* Изданіе второе, значительно дополненное. Съ портретомъ автора, С.-Петербургъ. 1902 г.

Н. И. Соловьевъ — авторъ очерковъ и рассказовъ изъ жизни приходскаго духовенства, — не принадлежитъ къ числу особенно яркихъ талантовъ. Его произведенія въ художественномъ отношеніи стоятъ не высоко. Но написанныя тепло и проникнутыя чувствомъ неподдѣльной любви и расположенія къ духовенству, они производятъ довольно хорошее впечатлѣніе.

Въ послѣднее время наши современные беллетристы все чаще и чаще начинаютъ обращаться къ быту духовнаго сословія и черпаютъ отсюда вдохновеніе и сюжеты для своихъ работъ. Но, къ сожалѣнію, подъ перомъ многихъ изъ нихъ дѣйствительная правда получаетъ нерѣдко черезчуръ тенденціозное освѣщеніе, а иногда прямо таки насилуется и искажается до неузнаваемости. Въ повѣстяхъ же и рассказахъ г. Соловьева, ничего такого мы не встрѣчаемъ. Затрогивая бытъ духовенства, онъ хотя на ряду съ хорошими и вставляетъ слабыя стороны его, но не для того, чтобы надъ ними только поглумиться, а для того, чтобы вызвать въ носителяхъ пастырства порывъ къ лучшему будущему, и внушить всѣмъ горячую вѣру въ возможность этого будущаго. При этомъ, задушевность самаго тона, какимъ авторъ повѣствуетъ о тѣхъ или иныхъ представителяхъ духовенства, основательное знакомство съ бытомъ послѣдняго, сообщаетъ нѣкоторымъ рассказамъ особенную прелесть. Авторъ, не отличающійся вообще ни мѣткостью и оригинальностью

мысли, ни смѣлостью и широтой художественнаго замысла, ни даже яркостью и живостью изложенія, — по мѣстамъ однако пишетъ съ такимъ захватывающимъ чувствомъ, что невольно прощаешь ему всѣ шереховатости языка и его писательскихъ приемовъ.

Вотъ, на примѣръ, какая картинка, полная трогательнаго умиленія, рисуется въ рассказѣ „Иго Христово“.

„Плачь и вопль, соединяясь въ одинъ тяжелый звукъ, образующій стонъ, оглашалъ небольшой, крытый соломою домикъ о. Марка Бѣлоцвѣтова, священника сельскаго прихода погоста Брыкоборскаго. Плакалъ и самъ глава дома о. Маркъ, и его малолѣтнія дѣти. И этотъ взаимный плачь отца съ дѣтьми способенъ былъ тронуть самую черствую душу и олицетворялъ, выражалъ вовнѣ громадное душевное горе плакавшаго служителя Божія и его дѣтокъ. Горе о. Марка дѣйствительно было громадно. Онъ только что вернулся съ кладбища, похоронивъ свою спутницу жизни, оставившую его коротать земное поприще съ шестью малолѣтними дѣтьми... Родные и знакомые, собравшіеся на погребеніе почившей супруги о. Марка, помянувъ усопшую въ его домѣ, разошлись и разъѣхались въ свои мѣста. А о. Маркъ, собравъ вокругъ себя всѣхъ своихъ малютокъ-дѣтокъ, отправился съ ними на свѣжую, только что засыпанную могилу Надежды Павловны, какъ звали его жену. Опустясь на прахъ земной, подъ которымъ покоилось самое близкое о. Марку существо, онъ слезно молился на могилѣ почившей. Примѣру родительскому послѣдовали и дѣти.

— А что, папа, знаетъ ли мама, что мы были на ея могилкѣ? спросилъ шестилѣтній мальчикъ Вася о. Марка, когда они возвращались съ могилы домой.

— Знаетъ, мой милый, знаетъ.

— Да вѣдь она засыпана землей — не видитъ, почему же она знаетъ?

— Не видитъ, но ея душа чувствуетъ, мой милый. Вотъ, когда вы молитесь утромъ и вечеромъ за нее будете, она тоже будетъ чувствовать и будетъ молиться за васъ, чтобы Господь далъ вамъ счастья,—рыдая, наставительно говорилъ своимъ дѣткамъ о. Маркъ, входя въ домъ, гдѣ его ожидали заботы, сопряженныя съ одиночествомъ.

— Батюшка, куда скатерти убирать? Батюшка, куда посуду то ставить? задавали о. Марку вопросы временныя прислужницы въ его домѣ, приглашенные на погребальныя хлопоты.

Самъ не зная, куда что убирать, куда что ставить, о. Маркъ долженъ былъ дѣлать эти хозяйственныя распоряженія. Наступили сумерки. Дѣтки, утомленные событіями послѣднихъ дней, заснули, гдѣ кто попало...

О. Маркъ, хотя тоже легъ въ постель, но не могъ сомкнуть своихъ отяжелѣвшихъ глазъ. Его голова была полна думъ, сердце печали, душа великой скорби...

Но не успѣлъ о. Маркъ окончить своихъ сокровенныхъ думъ и помышлений, предъ нимъ предстала трогательная и умиротворившая его горестный духъ картина.

Шестилѣтній сынокъ о. Марка Вася, проснувшись около полуночи, осторожно всталъ съ своей постельки, тихой дѣтскою поступью направился къ кіоту, предъ которымъ горѣла висѣвшая лампадка. Малютка всталъ на свои дѣтскія колѣни и началъ свою усердную молитву. Дѣтское личико Васи покрылось яркимъ румянцемъ, длинные рѣсницы прикрывали его голубые глазки,—молящійся въ ночной тишинѣ ребенокъ въ своей бѣленькой рубашечкѣ представлялся ангелоподобнымъ. О. Маркъ, тихо приподнявшись на постели, наблюдалъ за мальчикомъ, но

не хотѣлъ его беспокоить. Сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, мальчикъ осторожно пошелъ къ своей постелькѣ, о. Маркъ не утерпѣлъ и спросилъ Васю.

— Ты что дѣлаешь, Вася?

— Я ничего, папа, я только помолился за нашу маму. Я ее видѣлъ во снѣ и проснулся. Мнѣ приснилось, будто мама сидитъ съ нами за столомъ и говоритъ: слушайте, дѣтки, папы, а я уйду далеко, а вы помолитесь обо мнѣ, чтобы мнѣ хорошо безъ васъ было.

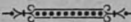
О. Маркъ поцѣловалъ сына, благословилъ его и самъ всталъ на молитву. Рыданія душили его.

— Господи помоги, Господи не погуби, Господи спаси, Господи помилуй меня грѣшнаго! шептали уста молящагося о. Марка. Горемъ убитый, но дѣтской и своей молитвою умиротворенный, о. Маркъ легъ въ постель и спокойно заснулъ“.

Правда, задушевность иногда переходитъ у автора въ излишнюю чувствительность; многіе изъ выводимыхъ имъ идеальныхъ типовъ представляютъ собой не живыхъ людей съ нервами, а какіе-то блѣдные, безстрастные образы, сочиненные по правиламъ, перваго попавшагося подъ руку учебника „Нравственнаго Богословія“; но всѣ эти (а также и другіе, не указанные нами) недостатки искупаются приблизительно вѣрнымъ изображеніемъ быта нашего приходскаго духовенства, съ которымъ авторъ очевидно хорошо знакомъ. Того, что обыкновенно принято называть „плодомъ досужей фантазіи автора“, мы здѣсь не встрѣчаемъ. Въ произведеніяхъ г. Соловьева развертывается предъ нами дѣйствительная жизнь нашего духовенства, его дѣйствительныя, а невыдуманныя мысли и чувствованія. Вотъ почему мы отъ души привѣтствуемъ выходъ въ свѣтъ второго и значительно дополненнаго изданія его очерковъ, повѣстей и рассказовъ подъ об-

щимъ заглавіемъ „Православное духовенство“. Въ составъ этого сборника вошло всего девятнадцать произведеній г. Соловьева, раньше появлявшихся на страницахъ нашихъ духовныхъ журналовъ и преимущественно „Странника“. Вотъ оглавленіе ихъ: „Старые корни и новыя вѣтви“, „На двухкомплектномъ приходѣ“, „Ангельская улыбка“, „Двѣ зари“, „Золотое сердце“, „Непорочная душа“, „Желтая книжка“, „Иго Христово“, „Глубокій вздохъ“, „Духовная карьера“, „Загробные ходатаи“, „Свой садикъ“, „Что выписывать?“ „Святая простота“, „Всепрощающая любовь“, „Путь къ славѣ“, „Радость пастыря“, „Стихарь“, „Родная мать“. Всего въ книгѣ 339 страницъ. Издана книга хорошо.

П. М—овъ.

Редакторъ Священникъ *А. Рождественскій.*

Печатать разрѣшается. Спб. 18 мая 1902 г. Протоіерей Философъ Орнатскій.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, домъ № 6.

ли вѣры въ силу свою и въ Божію помощь, смиреніе-ли паче гордости, гордость или равнодушіе къ горю чужому? не знаю, что было причиной тому. Но... еще много осталось несчастныхъ въ паствѣ моей, которымъ я могъ-бы счастье устроить, и теперь это чувствую,—чувствую силы свои, и вѣру въ Божію помощь въ себѣ ощущаю, и путь, и средства вижу, какими-бы можно это устроить. Но... поздно... Простите мнѣ, бѣдныя дѣти мои, страдальцы отъ моего нерадѣнія!

Вотъ уже и всю жизнь свою чуть не по днямъ, а часамъ перебралъ и снова пережилъ въ себѣ о. Алексѣй. Вспомнилъ всѣ думы свои, всѣ чувства, желанія, рѣчи, дѣла и всѣхъ лицъ, съ которыми сталкивала и соединяла его жизнь, а все еще думаетъ, не позабылъ ли чего, не оставилъ ли въ себѣ чего неомытымъ покаяніемъ и молитвою. И кажется ему вся его жизнь, особенно, жизнь пастырская, жизнь въ священномъ санѣ,—какъ бы страшнымъ преступленіемъ противъ Бога, себя и людей.

Такая усиленная внутренняя жизнь съ сильными нравственными потрясеніями сильно повліяла ослабляющимъ образомъ на надломленныя и слабыя силы о. Алексѣя. Въ глубокую полночь сдѣлался съ нимъ нервный ударъ. Перепуганная матушка сама поѣхала за лѣчившимъ о. Алексѣя докторомъ. Когда докторъ пріѣхалъ, то о. Алексѣй, къ радости семьи, уже пришелъ въ сознаніе. При приближеніи доктора къ больному, всѣ семейные вышли изъ комнаты. Осмотрѣвъ больного, докторъ сталъ успокоивать его.— Вы, батюшка, не волнуйтесь. Это у васъ былъ легкій нервный припадокъ. Я слышалъ, вы плохо спите и много думаете по ночамъ, да еще критикуете себя, вотъ нервы то свои и порасшатала, а вѣдь если и на скрипкѣ долго поиграть, такъ струны ослабнутъ. Вотъ я дамъ вамъ успокоивающія и содѣйствующія сну капельки, вы ихъ попринимаете, все и пройдетъ. Вы еще молодець. Сердце у васъ хорошо, только пульсъ слабовать, мы и его заставимъ подбодриться“.

— Благодарю васъ, добрый Николай Семеновичъ, за вашу любовь къ людямъ, за сострадательное сердце, и за стараніе и кончину людей дѣлать легкой, и за вниманіе ко мнѣ, и вы

уже простите меня, что васъ побезпокоили въ неурочный часъ. Только вы меня то напрасно утѣшаете. Вы очевидно думаете, что я боюсь смерти и что предсмертные часы ужасны? Такъ многіе думаютъ, и боятся даже думать о смерти, и это вполнѣ естественно и такъ должно быть для людей, которые кромѣ земной, тѣлесной жизни, не извѣдали другой и за рубежемъ ея не могутъ представить себѣ другой жизни, хотя бы также осмысленной, полной, всесторонней и радостной, какъ земная жизнь. Но это печальное заблужденіе. Я, вотъ, хорошо знаю, что дни мои сочтены, не сегодня, завтра меня не будетъ съ вами, это я лучше васъ чувствую, потому что чувство жизни, степень этого чувства недоступна никакому ученому постороннему наблюдателю и до измѣренія его никогда не дойдутъ, оно доступно только живущему, испытывающему его въ себѣ. Но я не ощущалъ въ жизни болѣе радостнаго, спокойнаго и миротворнаго состоянія духа, чѣмъ теперь въ ощущеніи своего преддверія смерти. Я теперь какъ бы не ощущаю при себѣ тѣла. Ничего мнѣ не хочется для него.

— А развѣ слабость и стѣснительное дыханіе и другія болѣзненныя явленія вы не ощущаете и они васъ не безпокоятъ, батюшка,—перебилъ, заинтересовываясь, докторъ.

— Какъ же не ощущать? ощущаю, иногда больно очень въ груди и въ сердцѣ. Только вы меня не такъ поняли. Я не про то... Что боли для жизни? Иногда они, не смотря на всю ихъ силу,—ничто, или забываются. Женщина въ какихъ боляхъ рождаетъ дитя, а забываетъ скорбь за радость. Такъ и смерть, перерождая человѣка въ новую жизнь самимъ этимъ мукамъ разлуки съ міромъ доставляетъ неописуемую радость. Приходилось ли вамъ, Николай Семеновичъ, переживать такіе моменты въ жизни, когда вы ожидали, что, вотъ, съ этого момента у васъ начнется новая жизнь, и вы будете другимъ человѣкомъ, и все будетъ новое, на примѣръ, при вступленіи въ бракъ, при значительномъ событіи въ государствѣ, при необычайномъ, новомъ открытіи науки? Что вы тогда чувствовали? не забывали ли въ этотъ моментъ свое настоящее для ожидаемаго будущаго, не устремлялись ли всѣмъ существомъ въ ожидаемое до потери ощущенія своего тѣла?

— Да, батюшка, это бывало, и это правда. Только я не понимаю, какъ можно жить какою то новою жизнію, когда чувствуешь въ себѣ угасаніе жизни? въ чемъ тутъ радость, когда впереди одно темное, неопредѣленное, и какая можетъ быть жизнь для человѣка, когда у него не будетъ ни органа жизни, ни условій для нея?

Вѣрю вамъ, другъ мой, одно отчаяніе должно быть въ смерти, если нѣтъ упованія на новую жизнь и вѣдѣнія о ней, и нѣтъ знакомства у человѣка съ иной жизнію, кромѣ земной. И Ап. Павелъ сказалъ: „Если бы невѣрно было наше упованіе на загробную жизнь, то мы были бы несчастнѣйшими изъ людей“. И я представляю, какъ тяжела смерть для язычниковъ и атеистовъ. Только это неправда, что со смертію человѣка и конецъ его жизни.

— Да откуда вы узнали и такъ увѣрены, что за гробомъ есть жизнь?

— Откуда? Да Самъ Богъ открылъ намъ это. А кто вѣрнѣе-то Его сказалъ когда-нибудь? Вы привыкли думать, что жизнію человѣка руководить плоть и кровь и вамъ трудно допустить жизнь внѣ плоти. А я вамъ укажу на простой случай и въ земной жизни, когда человѣкъ живетъ какъ бы внѣ плоти. Конечно, случалось вамъ видѣть сны. И гдѣ только въ это время не побываешь, чего не увидишь, съ кѣмъ не поводишься, чего не почувствуешь!.. а тѣло спокойно лежитъ и органы чувствъ бездѣйствуютъ. Не доказательство ли это, что человѣкъ можетъ жить духовною жизнію, даже испытывать тѣлесныя ощущенія безъ участія въ этомъ тѣла, безъ его посредничества. Вотъ, вамъ и прообразъ загробной жизни,—не даромъ эта способность дана намъ.

— Но я не представляю, батюшка, какое преимущество загробной жизни предъ земною, чтобы желать ея и радоваться переходу въ нее. Если это подобно сну, такъ это ложная жизнь?

— Другъ мой, я привелъ сонъ только къ примѣру, да и онъ лишь только потому, что тѣло не участвовало въ этой жизни, а сама по себѣ настоящая жизнь, безъ противорѣчій. А преимущество загробной жизни предъ земною, вотъ, въ чемъ. Вамъ случалось просиживать ночи за научными работами, тратить послѣднюю копѣйку на новую книгу и

т. п., чтобы узнать что-нибудь васъ интересующее, сдѣлать какое-нибудь открытіе? Вамъ извѣстно, что нѣкоторые, ради этой жажды знанія, какъ воздухоплаватели, мореплаватели, врачи и др. жертвовали своею жизнію?

— Да, случалось переживать эту жажду знанія, хотя безъ самопожертвованій, какія вы указали.

— А случалось вамъ ѣздить въ новые края, хотя-бы на нашъ югъ, гдѣ новая природа, и люди, и условія жизни? Когда вы были тамъ и сливались душою своею съ этой природой, наслаждаясь ея созерцаніемъ, не казалась ли вамъ ничтожной ваша прежняя жизнь и не хотѣлось ли вамъ отдать все, лишь-бы не разставаться съ этою новою жизнію?

— Да, случалось, и я подъ наплывомъ этихъ новыхъ, могучихъ и возвышенныхъ ощущеній позабывалъ все.

— А не случалось ли вамъ любить такъ, что душа горѣла отъ любви и вы были готовы на всякую жертву, лишь-бы быть съ любимымъ и не разлучаться съ нимъ?

— Да, въ молодости было, а теперь такія чувства испытываю къ дѣтямъ.

— Вотъ видите, любезнѣйшій Николай Семеновичъ. Все это жажда жизни духа, и какъ она сильна въ насъ и дорога намъ. А какія условія въ этой жизни для удовлетворенія этой жажды? Горизонтъ нашего непосредственнаго познанія ограниченъ не только внѣшнимъ міромъ, а почти одною нашею землею, маленькимъ мѣстомъ, занимаемымъ нами на ней, и кружкомъ людей, среди которыхъ вращаемся. И еще все это мы видимъ не иначе, какъ чрезъ тусклое стекло нашей плоти, нашихъ обманчивыхъ чувствъ и въ условіяхъ пространства и времени. Вотъ хотѣлось бы мнѣ знать, что въ сосѣдней комнатѣ дѣлается, да стѣна мѣшаетъ. Иногда рвешься сердцемъ къ другому сердцу, а оно отъ тебя бѣжитъ, или условія жизни, рознь положеній и т. п. тебя раздѣляютъ съ нимъ, любви-то и нѣтъ свободы, и не на чѣмъ ей излиться. Да, куда ни посмотришь, кругомъ все тѣснота, ограниченія и оковы для жизни духа. А какая же въ этомъ жизнь? — Это призраки жизни, темница узника. А сколько отъ этого скорби для духа? Прислушайтесь къ людямъ?— всѣ недовольны, стонуть, скорбятъ и проливаютъ

слезы. Развѣ это жизнь? Теперь сравните съ этой жизнію жизнь загробную. Тамъ открывается новое безпредѣльное поле и горизонты знанія. Новый, невиданный еще міръ. Новыя существа, и самъ чувствуешь себя другимъ. Новыя условія жизни и общенія съ міромъ. Вы проникаете въ эту область знанія безъ посредства обманчивыхъ внѣшнихъ, грубо-тѣлесныхъ чувствъ, какъ органовъ познанія. Здѣсь ни пространство, ни сословная, ни имущественная и никакая другая земная жизнь не раздѣляютъ и не разлучаютъ васъ отъ того, къ кому обращено ваше сердце. Укажите вы мнѣ хотя слабое подобіе такой разносторонней, широкой, свободной и бьющей ключемъ жизни въ чьей-либо земной жизни самага счастливѣйшаго изъ людей.

— Ужели, батюшка, это такъ? Тогда, вѣдь, дѣйствительно, смерть — драгоценное приобрѣтеніе человѣка.

— Да, это истина. Только вы погодите радоваться смерти-то. Не для всѣхъ она кладъ и радостный день рожденія. Испытывали вы на себѣ, что куда сердце, туда и мысль и воля стремятся?—Это у насъ, обыкновенно, зовется влеченіемъ или направленіемъ. Одного хотя хлѣбомъ не корми, дай книжку почитать, а кто также любитъ театръ, кто вино, кто женщинъ, всякій свое.

— Какъ не испытывать? Только я думалъ, что разумомъ можно побѣждать свои влеченія.

— Думать-то все можно, да исполнять это трудно. Сколько среди умныхъ-то и алкоголиковъ и преступниковъ оказывается? Иногда родовитые и воспитанные въ образцовыхъ интернатахъ въ ужасные притоны попадаютъ. Влеченія сердца имѣютъ то свойство, что, часто получая удовлетворенія, становятся такою потребностью для человѣка, такую жажду вызываютъ въ его стремленіи къ жизни, что становятся какъ-бы его природною потребностью и, вотъ, въ этой ступени развитія, то или иное влеченіе сердца называется страстію. А страсти такъ вкореняются въ душѣ человѣка, что не оставляютъ его ни въ какомъ его положеніи; поэтому съ ними человѣкъ переселяется и въ загробную жизнь, а тамъ онѣ его также волнуютъ и влекутъ къ удовлетворенію. Представьте, что человѣкъ переселился въ загроб-

ную жизнь съ одними плотскими стремленіями. Вотъ они начинаютъ требовать себѣ удовлетворенія. А тамъ нѣтъ ни зрѣлищъ, ни яствъ, ни питій, никакого для нихъ удовлетворенія. Къ другому же въ душѣ человѣка нѣтъ влеченія сердца ни любви къ людямъ, ни доброжелательства, ни стремленія къ знанію и самосозерцанію. А когда голодному не даютъ ѣсть, каково его самочувствіе? Вотъ тутъ-то и начинается за гробомъ для такихъ душъ адъ вѣчнаго раздраженія, недовольства отъ неудовлетворенности влеченій сердца, съѣдающая скорбь по земной жизни и отчаянная злоба отъ сознанія безсилія облечься въ плоть и вернуться въ міръ плоти. Отстать-бы отъ этихъ страстей? Да это возможно для человѣка только подъ условіемъ, когда онъ другое, подходящее къ новымъ условіямъ жизни полюбитъ. А это не такъ-то легко и скоро дѣлается, а постепенно и усиленной борьбою духа съ плотію. А какъ этому научиться за гробомъ, когда переселился туда человѣкъ безъ другихъ высшихъ и духовныхъ влеченій сердца? Это одна опасность для смертнаго человѣка. Другая опасность въ томъ, что духовное развитіе человѣка совершается постепенно, и параллельно этому развивается въ сердцѣ человѣка услада духовною жизнью. Одному доставляетъ удовольствіе духовная бесѣда, другому грязные анекдоты. Во всемъ постепенность. Вотъ, поэтому, и можетъ случиться: переселится человѣкъ въ духовный міръ, не живши на землѣ духовною жизнью и не испытавши ея сладости, онъ тамъ и будетъ жить, какъ пловецъ, выброшенный на необитаемый островъ, все будетъ ему чуждо, неизвѣстно и странно. Вотъ этого-то и надо страшиться въ смерти. И я опасаюсь только за это: пригоднымъ-ли окажусь для чисто духовной жизни? Конечно, при помощи Божіей, можно побѣдить въ себѣ наросты плотскихъ влеченій, прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ духовному, чистому, святому и въ этомъ найти полную жизнь и блаженство? Но какъ вспомнишь, какъ Бога-то мы здѣсь забываемъ и оскорбляемъ Его своими грѣхами, и страшно становится, не оставилъ-бы Онъ насъ тамъ безъ Своей благодатной помощи? Своими-то силами мы не въ состояніи жить чисто-духовною жизнью. А тогда не жизнь, а одна мука! И съ міромъ-

то плотскимъ связь порвалъ, да и Богъ-то къ Себѣ не принимаетъ и сердце твое не питаетъ радостію жизни духовной, общенія съ Нимъ, и разумъ твой не просвѣщаетъ Своимъ озареніемъ и откровеніемъ.

— Батюшка! Мнѣ кажется, что это жизнь далеко не полная. Это, такъ сказать, жизнь внутри себя, самосозерцательная. А мы привыкли жить въ кругу людей, въ общеніи съ ними, и въ сущности въ этомъ наша жизнь и состоитъ. Какая же тогда полнота загробной жизни?

— Понимаю, понимаю вашу мысль и скорбь. Съ земными друзьями и близкими сердцу порвали связь и не съ кѣмъ душой подѣлиться? Да это была - бы не полная жизнь. Только вы напрасно опасаетесь этого въ загробной жизни. Всѣ дорогіе и любезные вамъ здѣсь въ вашемъ сердцѣ останутся и тамъ, только съ тою разницею, что здѣсь иногда разлучаютъ васъ пространство, занятія, минутное раздраженіе на нихъ, а тамъ никто, ничто и никогда не вырветъ ихъ изъ вашего сердца, если вы искренно кого любили, и тамъ онъ будетъ всегда, когда захотите, и въ мысляхъ и въ сердцѣ вашемъ. Если вы кому желали добра, — и тамъ можете не только желать этого, но и молить Бога о спасеніи его и о радостяхъ его, только вы будете желать ему уже истиннаго счастья, а не плотскаго, тамъ у васъ будетъ на все другая точка зрѣнія. Не будемъ мы тамъ одни. Сколько однихъ умершихъ? А сколько создалъ Господь безплотныхъ духовъ? Вотъ мы и будемъ вращаться въ ихъ обществѣ.

— Но какъ же душа человѣка можетъ дѣлиться своею внутреннею жизнью съ другими духами и входить съ ними въ общеніе? чрезъ посредство какихъ органовъ?—вѣдь мы можемъ входить въ общеніе съ кѣмъ-либо внѣшнимъ только чрезъ какое-нибудь посредство?

— Конечно, дорогой Николай Семеновичъ, окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ дать трудно, не испытавъ загробной жизни. Но важно то, что намъ Богъ открылъ, что это общеніе есть, значить и посредство для этого есть, такъ и печаловаться нечего отъ того, что пока мы не испытали на себѣ. Вспомните притчу Спасителя о богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ,

явленіе во адъ Навуходоносора, сошествіе во адъ Спасителя и проповѣдь Его тамъ о Своемъ воскресеніи. Значить духъ духа понимать могутъ.

Теперь увидали, другъ мой, красоту и полноту загробной жизни. А это еще не все, а только одна стадія ея, начало. Здѣсь еще есть и несовершенство ея, а отсюда и томленіе духа. Какъ-бы духовная жизнь ни была многосторонняя, но у человѣка и за гробомъ не исчезнетъ представленіе жизни въ тѣлѣ и чрезъ посредство его общеніе съ видимымъ міромъ. Поскольку видимый міръ есть отображеніе существа и свойствъ Божіихъ въ мірахъ, постольку Онъ дорогъ и для стремящагося къ познанію Бога и жизни въ Немъ; къ тому же Спаситель нашъ воспринялъ наше естество съ плотію, и безъ лицезрѣнія Его въ этомъ образѣннѣтъ полнаго удовлетворенія для жаждущаго познанія Его и общенія. Человѣкъ безъ тѣла все же не вполнѣ человѣкъ, и потому и жизнь его неполная, и знанія въ этомъ состояніи и блаженства совершеннаго онъ имѣть не можетъ. Но это временное состояніе для загробныхъ жителей. По неложному обѣщанію Божію настанетъ для всѣхъ такой день, когда каждая человѣческая душа соединится съ своимъ тѣломъ, только такъ преобразованнымъ, что оно будетъ имѣть возможность вводить человѣка въ общеніе съ Богомъ и съ духами, и съ людьми, не служа никакимъ препятствіемъ для духа въ его лицезрѣніи и проникновеніи чисто духовнаго. Къ этому явится новый и физическій міръ. И тогда откроется человѣку все: и Богъ, и міръ, и вся тайна бытія, и негадательно, непроблематично, какъ теперь, а непосредственно, лицомъ къ лицу, и каждый будетъ наслаждаться этою жизнью, сообразно степени влеченія къ ней своего сердца, любви къ ней. Только участь загрубѣлыхъ въ плотской жизни будетъ ужасна, имъ возрожденное тѣло не дастъ удовлетворенія ихъ старымъ плотскимъ привязанностямъ; а какъ въ сердцѣ ихъ не окажется ни любви къ новой жизни въ общеніи съ Богомъ и съ чистыми душами и людьми, ни способности къ этой жизни, то Богъ низвергнетъ ихъ въ общество злыхъ духовъ и тамъ они будутъ въ вѣчныхъ мукахъ.

Такъ... вотъ... Вдругъ о. Алексѣй сразу замолкъ, схватился рукою за лобъ и безпомощно закрылъ ею глаза.

Эта новая, доселѣ непредставлявшаяся доктору полная и яркая картина загробной жизни, и искренняя, воодушевленная, сознательно-убѣжденная рѣчь стоявшаго на краю жизни о. Алексѣя, произвела на доктора такое сильное впечатлѣніе, что онъ даже не замѣтилъ, что случилось съ его собесѣдникомъ; въ его ушахъ какъ бы продолжали звучать чудные, отрадные и доселѣ неслыханные звуки, а мысль страшно работала, переносясь отъ образа къ образу, и онъ также молчалъ, углубившись въ себя. Наконецъ, все еще погружаясь въ себя, съ устремленнымъ внутрь взоромъ и не замѣчая своего пациента, онъ не заговорилъ, а скорѣе сталъ отрывочно извергать слова: „Такъ вотъ онъ истинный смыслъ жизни... Вотъ, какая цѣль и конецъ нашей жизни... труда... борьбы... страданій... всего. Вотъ гдѣ, вотъ въ чемъ наше счастье“. Тутъ онъ поднялся, но взоръ его все еще не замѣчалъ, что было предъ нимъ, хотя повидимому и глядѣлъ на о. Алексѣя, потому что лицомъ былъ къ нему. „Батюшка! какъ мнѣ васъ благодарить? Какія счастливыя минуты вы мнѣ дали? Вы влили свѣжую, приятную струю въ мою жизнь. Я ощущаю въ себѣ что-то новое. Ваши слова неизгладимыми буквами останутся въ моемъ сердцѣ“. Въ порывѣ благодарности онъ хотѣлъ крѣпко пожать и поцѣловать руку о. Алексѣя и тутъ только замѣтилъ, что о. Алексѣй лежитъ блѣдный, съ закрытыми глазами и не отвѣчаетъ ему. По нервамъ его пробѣжалъ испугъ. Онъ быстро схватилъ руку о. Алексѣя, испыталъ пульсъ, нашелъ его неправильнымъ и слабымъ, прислонился къ сердцу, въ немъ слышались перебои. Положеніе больного быстро освѣжило его. Онъ съ поспѣшностью началъ приводить къ возстановленію сознанія больного имѣвшимися подъ руками лѣкарствами. О. Алексѣй открылъ глаза, обвелъ взоромъ всю комнату, какъ-бы не давая себѣ отчета, спитъ онъ или нѣтъ, провелъ рукою по головѣ, сначала глубоко вздохнулъ, а потомъ спросилъ: „что со мною? За вами опять посылали, Николай Семеновичъ, или я заснулъ при васъ? Извините“.

— Не беспокойтесь, батюшка, вы немного заснули, и это

хорошо для васъ, и еще поспите, только вотъ примите это (подавая въ рукѣ лѣкарство); я васъ безпокоить сейчасъ не буду, утормъ навѣщу, а теперь благодарю, благодарю васъ, и онъ поцѣловаль его руку.

— За что?

— За откровеніе, за жемчужныя слова. Батюшка, благословите меня... на... новую жизнь.

О. Алексѣй благословиль его, и докторъ взволнованный быстро вышелъ отъ больного. За дверью уже ждала его матушка.

— Что у васъ случилось, Николай Семеновичъ, что вы такъ долго были у Алексѣя Андреевича? Какъ его силы? Надежда есть?

— Матушка, простите я самъ задержалъ больного и немного взволноваль его. Уже больно отраднo его слушать. Я вѣкъ его не забуду. Такой больной первый у меня. А насчетъ силъ, надежды? — воля Божія. Сердце слабовато... Поучимся, матушка, у него вѣрѣ въ Бога, и легче намъ станеть.

Докторъ быстро накинулъ на себя шинель и вышелъ. Дорогою онъ все твердилъ про себя: „какой силы человекъ? Какое счастье такъ смотрѣть въ лице смерти и такъ умереть? Дома, не смотря на усталость, онъ не могъ заснуть, поэтому, пролежавъ часа два въ постели, онъ всталъ, зажегъ свѣчи и рѣшилъ читать. Но все, что онъ ни бралъ читать, не интересовало его. „Нѣтъ“, сказалъ, „такъ нельзя. Надо основательно познакомиться съ ученіемъ Христа, съ Его Евангеліемъ. Въ Немъ есть жизнь. Чему насъ учили? Намъ пересказывали буквы Евангельскія. А жизнь духа можетъ пересказать только тотъ, кто самъ пропитался этимъ духомъ и Евангеліе пережилъ въ себѣ. А такихъ много-ли? Скоро ли нападешь на о. Алексѣя? А при личномъ чтеніи слова Божія, духъ его самъ собою долженъ открыться“. И онъ рѣшилъ сегодня же купить Евангеліе и неопустительно, ежедневно читать и прочитавъ все.

V.

Матушка, по уходѣ доктора, вошла въ спальню о. Алексѣя и уже нашла его спящимъ. Она тихо сѣла у его изголовья на стулѣ. Тяжелыя думы и чувства терзали ея сердце. Крупными каплями скатывались слезы съ рѣсницъ ея глазъ. Горе и тишина ночи постепенно омрачали ея сознание. Въ душѣ все какъ то спуталось и... она тоже заснула, сидя на стулѣ и склонивъ голову...

Вѣсть о ночномъ и продолжительномъ пребываніи доктора у о. Алексѣя рано утромъ быстро облетѣла весь церковный домъ, и причтъ Владимірской церкви сговорился проститься съ тяжело больнымъ собратомъ. Къ тому жъ было получено отъ самой матушки извѣстіе о желаніи о. Алексѣя причаститься Св. Тайнъ. Послѣ поздней литургіи весь причтъ явился въ квартиру о. Алексѣя. Къ этому времени онъ былъ уже исповѣданъ и причастился Св. Тайнъ.

Доложили о. Алексѣю о прибытіи всего причта. Онъ просилъ тотчасъ же позвать ихъ къ себѣ. При этомъ матушка просила ихъ долго не сидѣть у него, въ виду его слабости.

Всѣ поцѣловались съ нимъ, причемъ о.о. діаконы и псаломщики приняли отъ него благословеніе.

Причтъ еще ни разу не навѣщалъ о. Алексѣя, во время его болѣзни. Всѣмъ имъ было какъ то не по себѣ. Первый заговорилъ о. Алексѣй, только слабымъ голосомъ. „Благодарю, братцы, за вниманіе и любовь“.

„Во время пожаловали. Я самъ хотѣлъ послать за вами. Умирать я собрался“.

— Полно, Алексѣй Андреевичъ, первый заговорилъ о. настоятель. Богъ дастъ еще поживемъ. Весь приходъ по тебѣ соскучился, все молебны служатъ о твоёмъ выздоровленіи (при этомъ о. Алексѣй перекрестился).

— Спасибо, дорогіе, за любовь и пожеланіе. Для цвѣтущаго здоровья, что можетъ быть дороже жизни. Только у меня теперь есть уже другія желанія. Я на краю новой жизни. Вотъ, вы не откажите напутствовать меня своими молитвами

въ это далекое и безконечное путешествіе. Страна то невѣдомая... Сожители еще невиданные... Жизнь неизвѣданная... Поди, и враги тамъ есть... И искушенія свои... Гдѣ мнѣ съ своими силами?—не закалилъ я себя здѣсь въ борьбѣ съ помыслами и желаніями, не окрѣпъ духовно, свободы духовной не выработалъ въ себѣ. Вотъ и робко тронуться то въ этотъ путь.

— Ну, зачѣмъ такія мысли, Алексѣй Андреевичъ? опять заговорилъ о. настоятель.—Еще поживемъ мы съ тобой, можетъ, Богъ дастъ, еще насъ переживешь?

— Да я, вѣдь, не къ тому, что боюсь смерти, отвѣтилъ о. Алексѣй.—У меня теперь другой взглядъ на жизнь. Я уже смотрю на васъ, какъ бы изъ загробнаго міра, и ничуть мнѣ не жаль разлуки съ земною жизнію: одна суета въ ней да рабство, и нѣтъ въ ней счастья полного. Тамъ лучше намъ и естественнѣе наша жизнь. Я только прошу молитвъ вашихъ о мнѣ. Въ дальней и длинной дорогѣ безъ посоха, силъ и запаса пищи трудно, а молитвы живыхъ для загробнаго скитальца, что какъ не это?

— Ты не забудь насъ своими молитвами, заговорили всѣ въ отвѣтъ о. Алексѣю. Мы знаемъ твои молитвы.

Немного отдохнувъ, о. Алексѣй продолжалъ: много-бы хотѣлось переговорить съ вами, братіе, да силы меня оставляютъ. Я хотѣлъ видѣть васъ больше для того, чтобы умиротворить душу свою и спросить вашего мира въ новый путь мой. Вотъ я одною ногою уже на порогѣ этого пути. Уже поднять мечъ надъ узами, связывающими меня съ вами, одинъ ударъ, и я для васъ не существую. Къ чему мнѣ ложь, притворство? Простите меня, умоляю васъ. Въ тягость я вамъ былъ, раздражалъ васъ, вводилъ въ искушенія, и чувства нехорошія возбуждалъ въ вашихъ сердцахъ. Горячъ я былъ. Но, повѣрьте, я всегда любилъ васъ и зла не желалъ вамъ. Только взглядами я расходился съ вами. Вотъ, настанетъ и для васъ часъ смертный, и вы увидите суетность и пустоту житейскихъ благъ, борьбы изъ-за мелочей и привычекъ жизни, и возгустнете о томъ, что изъ-за рабства тѣлеснаго не возрастили лучшіе и возвышенные порывы души своей. О, какъ я теперь же-

лалъ бы осуществить все, что подсказывало мнѣ возвышеннаго, святаго сердца!!..—но... мечъ занесенъ... путь добрыхъ дѣлъ конченъ... Простите и вы, оо. діаконы и псалмопѣвцы, строговать я былъ съ вами. Но и вы современемъ поймете, что у престола Божія и въ св. храмѣ Его страшно служить безъ благоговѣнія. Богъ не человѣкъ, и отношеніе къ Нему должно быть, какъ къ Богу. А вы привыкли смотрѣть на службу Божію, какъ на службу священству, вотъ, вамъ и кажется, что требованіе священникомъ благоговѣйной службы,—это простой результатъ его честолюбія, и въ послушаніи ему вы и усматриваете насиліе надъ вашимъ достоинствомъ, свое униженіе. А и о священствѣ вы ошибочно низкаго мнѣнія. Великое это званіе и положеніе, не отъ человѣка оно, а отъ Бога, Его даръ. Священство — чудо на землѣ: въ немъ человѣкъ является силою Божіею на землѣ, праведникомъ въ мірѣ Божественной благодати. Воля священства — законъ для міра: разрѣшить, разрѣшится на небѣ, свяжетъ на землѣ, свяжется тамъ, чудо это, но истина. И вы, если бы сознавали, кому служите, какую честь избранія получили отъ Господа, цѣнили бы и свое малое служеніе, а не видѣли бы въ немъ самоуниженія. И если бы была въ васъ жажда благодати Божіей и если бы вы цѣнили этотъ даръ, то вы искали бы ее отъ священства, усиленно просили бы ее, а вы считали для себя униженіемъ принимать благословеніе отъ священниковъ и особенно возмущало васъ лобзаніе руки іерейской. Случалось-ли вамъ въ пути, въ знойный день, задыхаться отъ жажды? Въ такомъ состояніи, когда человѣкъ видитъ возможность освѣжить себя водой, готовъ за глотокъ ее не только поцѣловатьъ руку дающему, а отдать за него все? Такое отношеніе было бы въ людяхъ и къ благодати, если бы цѣнили ее и ощущали ея необходимость для жизни. А благодать для души тоже, что пища для тѣла, силы для жизни, безъ нея человѣкъ слабъ и мертвъ. Вотъ, отчего я былъ строгъ. Такъ простите меня за огорченія, причиненныя вамъ, но я любилъ васъ. О. Алексѣй сталъ съ усиліемъ приподниматься на постели.

— О. Алексѣй, что съ вами?—почти всѣ заговорили.

— Я... (задыхаясь) въ ноги... поклонюсь...

Ему не дали договорить. „Что вы, что вы? въ ноги?... Насъ прости...“

„Меня прости“, каждый сталъ просить его. И братія по-могла ему правильно лечь въ постель. При этомъ у мно-гихъ изъ братіи навернулись на глазахъ слезы.

Голосъ о. Алексѣя постепенно ослабѣвалъ, по временамъ онъ глубоко и съ трудомъ вздыхалъ. Братія хотѣла уже проститься съ нимъ и начала вставать съ мѣстъ, но онъ остановилъ ихъ. „Одну еще минутку... Мнѣ ничего не надо... Дочь у меня.. дѣти... семья... Ничего я имъ не оставилъ... Не думалъ о смерти... Не думалъ о смерти... Не откажите въ пособіи... на хлѣбъ... уголь дайте... Не сразу... гоните... утѣшьте ихъ... О. настоятель, за дочку... Соню... Владыку попросите... „На глазахъ о. Алексѣя навернулись слезы. „Прощайте, друзья, я усталъ“. Всѣ поспѣшно стали съ нимъ прощаться, всѣхъ ихъ онъ поцѣловалъ и пожалъ имъ руки холодною своею рукою. Оо. діаконы и псаломщики на этотъ разъ съ благоговѣніемъ приняли отъ него благословеніе. И не одна слеза изъ глазъ братіи капнула на лице о. Алексѣя.

По уходѣ братіи, въ спальнѣ о. Алексѣя тотчасъ же собралась вся семья его. На его лицѣ заигралъ зловѣщій румянецъ, борода какъ то опустилась, руки покрылись блѣд-ностію.

— Дайте иконы изъ угольника, нервно сказалъ о Алексѣй. Его жена при этомъ заплакала, было. — Погоди, Лиза. Я благословлю васъ. Поданными иконами онъ всѣхъ благо-словилъ. Каждый, получившій благословеніе и икону, вста-валъ съ колѣнъ, какъ-то сотрясаясь тѣломъ и съ глазами, наполненными слезами. — Что вы опечались, говорилъ въ послѣдній разъ о. Алексѣй. — Наше истинное счастье въ той жизни. Развѣ вы не желаете мнѣ счастья? Всѣ мы умремъ, и живемъ для той жизни. Простите меня. Молитесь обо мнѣ. Лиза, ты не плачь. Богъ не оставитъ тебя за любовь. По-корись промыслу Божію. Дѣти, мать не оставляйте, утѣ-шайте ее, слушайтесь, любите.

Голосъ о. Алексѣя съ каждой минутой ослабѣвалъ все болѣе и болѣе. „Коля наукой не гордись. Все свѣррай съ сло-вомъ Божіимъ... Помни объ умѣ Божіемъ... Соня собою не

жертвуй... для мѣста... По сердцу найдешь... Благословляю... Душно мнѣ... Лиза... Дѣти...

На лице о. Алексѣя какъ-бы стала набѣгать какая-то тѣнь.

„Какъ свѣтло... Боже... Прими... духъ... О. Алексѣй осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, зашевелилъ губами, желая что-то сказать, вдругъ тѣло его слегка вздрогнуло и... его не стало на вѣки.

Спальня о. Алексѣя сразу огласилась рыданиями, всѣ бросились цѣловать его въ окоченѣлое лицо и руки. Съ женою о. Алексѣя сдѣлался обморокъ. Дѣти бросились приводить ее въ чувство. *Вечеромъ* квартира о. Алексѣя была биткомъ набита народомъ, собравшимся на панихиду. Плакали не только его семья, но и многіе изъ прихожанъ. Изъ знакомыхъ по дому каждый сказалъ по нѣсколько словъ утѣшенія убитой горемъ женѣ о. Алексѣя, у которой скорбь какъ-бы застыла въ чертахъ лица. *Послѣ панихиды* семья о. Алексѣя разбрелась по комнатамъ. Каждый искалъ себѣ уединенія и какъ-бы избѣгалъ встрѣчи съ другими, желая отдаться своимъ думамъ и чувствамъ. Изрѣдка то тотъ, то другой выходили въ комнату, гдѣ лежало тѣло о. Алексѣя, и слышалось тихое и монотонное чтеніе Евангелія, помолится и съ полными слезъ глазами опять вернется къ себѣ въ комнату. Никто и не ложился спать, а такъ, не раздѣваясь, изрѣдка дремали. *Соня долго молилась* предъ иконой, которою благословилъ ее отецъ, молилась почти безъ словъ, ломая руки, лице ея въ это время пятнами залилъ багровый румянецъ. Иногда отрываясь отъ молитвы, она бросалась на постель лицомъ на подушку и глухо рыдала, содрогаясь въ плечахъ. Комната ея освѣщалась одною лампадкою. Вдругъ лампадка загасла. Она сначала какъ-бы содрогнулась отъ страха. Потомъ быстро встала и, глядя все въ ту же точку, куда были устремлены ея глаза, на ликъ Богоматери, который теперь въ темнотѣ не менѣе ярко свѣтился въ ея сознаниі, чѣмъ и при свѣтѣ лампадки, она вдругъ нервно заговорила вслухъ: „Да, любви безъ жертвы нѣтъ, такъ папа всегда говорилъ. Безъ самопожертвованія нѣтъ и жизни. Не зная горя, страданій, не будешь цѣнить минутъ радости и счастья, да и любовь нельзя цѣнить, когда самъ не научишься

любить. Да, надо жертвовать собою (она рѣшила выдти замужъ за человѣка, который найдетъся замѣнить мѣсто ея отца). Боже, дай мнѣ силы любить! Пошли мнѣ спутника жизни, съ добрымъ сердцемъ, какъ папа былъ. Что красота лица? Сердце доброе, вотъ гдѣ счастье наше. Такъ она долго еще зывала къ Господу и думала про себя, пока, обезсилѣвъ отъ физическаго переутомленія и нравственнаго потрясенія не заснула, не раздѣваясь, хотя и тревожнымъ, но крѣпкимъ сномъ.

На утро пріемная при канцеляріи Митрополита была заполнена отцами и молодыми людьми съ прошениями въ рукахъ на мѣсто умершаго о. Алексѣя. На лицахъ просителей рѣзко выражался одинъ и тотъ же сокровенный вопросъ: „хорошо-бы поступить... удастся-ли? какъ-то Владыка? да просителей много,—а можетъ быть?..“

Такъ надъ угасшею ночью восходитъ заря новаго дня и жизни.

I.

